

Ментальное пространство средневековья

Александров Н.Н.

Романский менталитет содержит модель космоса, известную нам еще по первобытности: **горизонтальный мир** – вокруг человека (*свой мир* вокруг, родной и понятный, – *чужой*, страшный и пугающий во внешних кольцах), а **мир по вертикали** – мир невидимый, бывший магический, представленный в средневековье как сотворенный Богом и устроенный по его замыслу космос, недоступный жалкому человеческому пониманию. Этим устройством определяется необходимость наличия двух иерархий и двух типов власти. Отсюда, над *первобытной концепцией* органической связи человека с природой, надстраиваются две иерархии: светская и духовная.

Светская иерархия охраняет (от неверных) и расширяет внешнее кольцо данного мира, регулирует социальные процессы внутри, следовательно, эта власть распространяется *по горизонтальной плоскости* (горизонтальная иерархия). Церковная иерархия идеологически цементирует это общество (удерживает модель космоса и высшие цели) и действует *в вертикальном измерении*, хотя церковь весьма активно вмешивается в земную политику и иногда подминает ее (политика пап, кардинал Ришелье и т.п.). И оно понятно – здесь высшие цели.

При этом основная концепция говорит о мире земном как антитезе небу, о земле как о месте временного и скорбного пребывания человечества. Она задает модель некоего «загона», из которого у человека – два духовных выхода, обозначенных по уже знакомой нам первобытной вертикали: вверх ведет «лестница Якова» (духовное восхождение) – вниз, в темное царство, ведут нас грехи наши. Отсюда, кстати, столь странное и противоречивое на первый взгляд, сочетание *чудес* (из мира свыше) и *волшебства*, колдовства, ведовства (происхождением из мира снизу). Оборонительная магия и талисманы – это не

слишком благочестивая смесь смыслов мира светлого и высшего и мира темного и низкого. И та же алхимия, и массовое поклонение *мощам святых* – производные смеси первобытности и христианства. Египетские мумии, средневековые святые мощи, забальзамированные Ленин, Хо Ши Мин, Димитров – разве это не одна и та же линия?

Все коллизии духовной борьбы средневековья состоят в *преодолении исходной первобытной органической связи с природой*. Отсюда – поразительное и непостижимое по исходным посылкам для человека Нового времени **поощрение следованию авторитетам и порицание самостоятельности мышления**, отсюда же и **преобладание процессуального над содержанием** (в судах). Даже чтение молитв – на латинском языке (одна из причин будущей реформации), отчего Библия оставалась *самой неизвестной книгой* католического средневековья, – все это есть проявление исходного установления. Средневековая власть не собирается полностью уничтожить первобытность – она лелеет мечту *трансформировать первобытные ментальные основы в христианские*, хотя выполнение этой задачи успешным признать нельзя. Античная культура, игнорировать которую так же было невозможно, была нейтрализована простым и безотказным образом: ее идеи вошли в средневековье как **учения авторитетов** наряду с авторитетами христианского богословия. По выражению А.И. Герцена, это был Аристотель с тонзурой, в котором схоластика убила все живое. Тем самым эти учения становились омертвевшими, абсолютно остановившимися в развитии догмами и утрачивали свою исходную идеологию и действенность, ведь теологический контекст заставлял перекодировать саму их суть (это прекрасно показал Умберто Эко в романе «Имя розы»). Да и доступны эти *избранные места* из античности были ничтожно малому числу ученых монахов. Но и со своей исходной христианской культурой католики поступили весьма жестко: в апокрифы (неканонические

тексты) вошло более двух третей древних текстов и сама концепция Христианства была тщательно откорректирована в XIII-м веке.

Снова проведем аналогию: первое, что сделал сталинский режим, первое, что сделал гитлеровский режим, – изъяс, переместив в спецхраны или массово уничтожив неканонические и враждебные тексты, а тексты самих классиков поместил в закрытые институты. Канонизация (кого угодно) носила массовый ментальный характер: психолог Анохин вспоминает, что даже случайные мысли и вопросы И. Павлова в советской науке были канонизированы и выступать против них было опасно даже в 60-х годах.

Мы уже говорили, что два мира (мир горний и мир земной, небо – в оппозиции к земле) были представлены в раннем богословии еще и как два времени: небесная *вечность* противостоит земному текущему времени жизни. Такое двухэтажное церковное *представление о времени* в средневековье еще и наложено на природное, что и порождает в итоге линейно-циклическую концепцию средневековья. Этому времени в тенденции, в пределе, присущи субстанциальность, непрерывность и необратимость. В целом же в мироощущении средневековья **представления о пространстве и времени** исходят из системы расселения людей и характера ландшафта. **Ощущение времени присутствовало лишь в опыте**, оно было связано с жизнью и определялось земледельческими циклами, движением Солнца, **длиной пути**, длительными сроками передвижения, неспешным темпом путешествий, запоминающимися событиями. Поразительно, но это во многом – *субъективное* время-пространство. И вот что характерно: общество здесь не совсем рациональное, как в Египте, – перед нами скорее первобытное отношение к пространству и времени как непосредственно данным в опыте и их измерениях: отсюда происходит *неодинаковость земельных мер с одним названием и различная протяженность часа*. Пространственные меры такого мира антропоморфны (человек видел в мире собственные качества): они исходили из человеческого

тела (локоть, пядь, палец, фут и т. д.) или трудозатрат и их эквивалентов (мера пахотной земли – то, что можно вспахать за один день, величина владения измерялась в доходах).

Раннее средневековье – время «победоносного шествия земледелия». Горизонтальное измерение этого мира нам хорошо знакомо, ведь оно первобытное: «своему» близкому миру («двор», усадьба – митгард) противопоставит мир «чужой», дальний. Но здесь это воплощается в противопоставлении **возделанной земли и леса** (реальное пространство средневекового человека ограничено бескрайними лесными массивами, отчего Н. Бердяев и говорит о «запахе хвойных лесов»). Лес – источник всех опасностей, отрицание организованности, мирского вообще (поэтому там селятся не только разбойники, но и отшельники). Люди средневековья – домоседы (где родился, там и пригодился), и монашеский идеал *stabilitas loci* (*постоянство в пространстве*) принят в этом сообществе почти всеми. Напротив, перемещаются в основном те, кто несет смерть и разорение (воины, бродяги, кочевники, наемники) или гоним необходимостью (купцы, ремесленники и пилигримы, монахи, беглые крестьяне и т.п.). Но именно эти *перемещающиеся* определили будущее средневековья: преодолевая пространство, они побеждали свой скрытый *страх перед пространством*.

У этого мира есть единый язык – богословская латынь для кочующих монахов – и единые обычаи господствующего класса – для рыцарей, кочующих от одного двора к другому. Темп средневековья откровенно неспешный: передвигались *неторопливо*, не слишком «берегли время», да и *транспортные средства и дороги были плохи*. Оттого-то такую большую роль в средневековье играли реки – по ним шли главные транспортные потоки, около них селились и строили города.

Найденная в предыдущем менталитете объединительная идея «как сверху, так и снизу», здесь трансформируется в *концепцию человека как микрокосма, подобного макрокосму вселенной*.

Число и нумерология ведут в средневековье противоречивое существование: они одновременно гонимы и безмерно любимы. В целом мы о них говорить не будем, ибо логика их жизни все та же (монада, дуада, триада и т.д. – до двенадцати). Например, древняя идея *четырёх* первостихий в средневековье также опрокинута на весь мир: он состоит из четырёх элементов: **огня, воздуха, воды и земли**. Их существование понимается как бы осязаемо, реально – и Земля находится в центре мира, потому что она самая тяжелая. Четверка отнесена к человеку не только через типы темпераментов, но и (через Галена) – теперь сам человек «состоит» из *четырёх элементов*: плоть его – от земли, кровь – от воды, дыхание – от воздуха и теплота – от огня (был еще и «огонь духовный»). Теория «четырёх влаг» определила лицо средневековой медицины.

Интересно, что пространственные представления, какими бы фантастичными они нам ни казались, являли то культурное пространство, в котором просуществовало тысячелетнее средневековье. В пятом веке в своем сочинении «О небесной иерархии» Псевдо-Дионисий Ареопагит нарисует каркас средневековой системы мироздания. В строгом математическом порядке движутся вокруг Земли по точным параметрам сфер все светила. Но между тем *ментальный средневековый уравновешенный мир*, с его библейским блюдом, покоится на трех китах.

В теории богослова седьмого века (а это как раз классика, середина формационного цикла) Гонория Августодунского мы находим своеобразную *теорию генезиса форм движения материи*: творения делятся на пять категорий: телесные (камни, минералы), наделенные жизнью (растения), наделенные чувством (животные), разумные (люди) и интеллектуальные, точнее, духовные (ангелы).

Гонорий представил мир состоящим из четырех уровней, причем уровней, скорее, общности и генезиса, чем иерархии. Верхний ярус – Бог (непознаваемый и недоступный человеческому взору в своей сущности), проявленный через такое свое качество, как высшее добро (Bonitas) и через «семь божественных имен»: это – Справедливость, Добродетель, Разум, Истина, Сущность, Жизнь, Мудрость (изначальные причины). На данном уровне – восемь элементов (1+7).

Второй ярус, «*materia informis*», – «бесформенная материя». По отношению к ней существенны две категории, организующие действительность, – *время и место (пространство)*. По Гонорию, *время есть точная мера «движущихся» вещей, а место – естественное ограничение каждой вещи* (мера ее бытия, предел ограниченной природы). Время и пространство – бестелесны, они изначально **предсуществуют** у Бога, прежде чем реализоваться в конкретном времени и месте.

Третий ярус – организованная материя, «сотворенная и не творящая природа». Она организована в известной четверичности: это – небесное племя (ангелы), крылатые обитатели воздуха, водные твари и жители твердой суши (огонь – воздух – вода – земля). Смысл этого яруса – *Finis* (конец). Однако не только в генетическом смысле (все сотворенное конечно), но и в том, что это – время и пространство сына божьего Иисуса Христа (по Библии, он – *альфа и омега*, начало и конец всего). Генезис замыкается в круг, мир движется в рамках основных богословских понятий – от сотворения мира к воплощению Христа.

Но это – модель образованного мира средневековья. Обычные люди жили не в космосе Гонория, а в своем замкнутом мирке и страсть как не любили «чужаков». О небе, о пределах Земли представления у них складывались не столько по книгам, сколько по изустным преданиям и рассказам. Поразительной особенностью средневекового человека было то, что он **как бы не видел реальности в результате наблюдений, а видел зримый мир в соответствии**

с нормами церкви и традиционными преданиями (так, Марко Поло в описании путешествий по Китаю и Северной Индии *видит* людей с хвостами, «толстыми, как у собак», потому что средневековые легенды помещали на «краю земли» то кинокефалов – людей с песьими головами, то совсем без головы, но с глазами прямо посередине груди). Подобным свойством *видеть миф* позже отличатся люди в фашистской Германии и в СССР: они видели героев и врагов там, где им указывали и массово истребляли *неверных* среди своих. Наверное, мы плохо представляем себе реальную мощь ментальных моделей в поведении людей: не хочется преувеличивать, но она чудовищно велика.

Земля – центр вселенной: это – космографическая аксиома Средневековья. Поскольку мир состоит из **огня, воздуха, воды и земли** (и они существуют в их представлении отдельно, *как бы фракциями*), земля, как самая тяжелая, расположена в центре вселенной – таково своеобразное «естественнонаучное» объяснение ее центральности. Если говорить о подробностях, то некоторое время бытовало представление о планете как о *плоском диске* (что ведет свое происхождение от древнейших образов «космической горы» и водного кольца вокруг), но в зрелом средневековье мы находим более сложную модель. В книге монаха того же классического двенадцатого века Госсуй «Образ мира» Земля представлена как **шар**, со всех сторон окруженный скорлупой **неба**. Небо наполнено «духовным воздухом» – *эфиром*, и ангелы легко пересекают эфир, зато для смертных он гибелен (кстати, эфир – *пятый* элемент). **Небо состоит из сложной системы вложенных сфер**, о числе которых велись споры: одни насчитывали три, другие – свыше пятидесяти. С начала XIII-го века постепенно внедряется концепция Птолемея, более достоверная и астрономически точная. Интересно, что известный ниспровергатель истории, основываясь на астрономических данных, пишет, что данная концепция вовсе не была позднеримской, а возникла именно в это время (Фоменко А.Т. Глобальная хронология. – М.: Изд-во МГУ, 1993).

Внутреннее космогоническое кольцо таково: в центре Земли, *центра вселенной*, находится Иерусалим («Пуп земли»). Немного к востоку находилась **высокая гора**, от которой брали начало **четыре великие реки**: Тигр, Евфрат, Фисон и Геон, обтекавшие сад Эдемский – земной рай («Фисон» иногда Ганг, иногда Инд, Геон всегда Нил). Индийский океан – замкнутое море, и его острова набиты золотом, пряностями, благовонными деревьями и диковинными существами (среди которых – экзотические единорог и феникс, странное чудовище, соединяющее в себе коня, слона и вепря, с подвижными рогами). Характерно, что окраины этого обитаемого мира Земли страшны, но вместе с тем привлекательны, ибо свободны от средневековых ограничений, социальных и моральных. Окраинные земли всегда притягивали средневековое диссидентство и служили местом, куда живое воображение помещало сказочные образы. Такая же окраинная вольная земля бытовала в русском фольклоре.

Географические знания большого значения не имели, и сама аллегорическая география средневековья строилась на заимствовании сведений у авторитетов и чаще всего в исторические сочинения сведения проникали из более древних источников. Обитаемый мир ойкумены в средневековой географии поделен *идеологически* на три части: Европу, Азию и Африку (идеологически, поскольку географическое деление усугублялось делением религиозным). Европа – христианский материк, Азия и Африка – пристанище язычества (грех неверия) и магометанства (нечестивость).

Средневековое *пространство было иерархизированным*. Иерархия «пространственных уровней» окрашивалась этической оценкой: пространство могло быть «благим» и «дурным». Только Рай и Иерусалим имели абсолютно положительную оценку на средневековой пространственной шкале. Прочее средневековое пространство распадалось «по горизонтали» на множество враждовавших миров. Причиной тому было исходное деление мира на «свой» и «чужой», приобретшее здесь религиозный оттенок. Католики одинаково не

любили бородатых греков, евреев, магометан и языческих славян; для христианства и античность была, как ни смешно, язычеством, варварством. Да и внутри католического мира всегда бытовала этническая вражда: англичане до сих пор не любят французов, северные французы смеются над провансальцами, немцы издеваются над итальянцами, и наоборот. *Только свой мир – ценность*, и это отчетливо видно в кичливой идеологии американских городков.

Отраженная на порталах и в устройстве средневековых соборов *иерархия космоса* точно соответствует *иерархии божьих тварей*, а главное – социально-политической иерархии сеньор-вассальных отношений. Храм был **микрокосмом** средневекового человека, вмещавшим в себя весь мир, вот почему в храмовый декор понемногу проникали не только герои христианства, светские властители, но и сцены *трудовой жизни, экзотические и сказочные животные и прочие существа*. Эта смесь христианства и фольклора приводит в строгое и иерархически организованное пространство мироздания народную фантастику, гротеск, юмор, пародию (ничего подобного нет в строгих русских церковных постройках).

Все **пространственные отношения координируются по вертикали**. **Иерархия пространства** воплотилась в *противопоставлении неба (рая) и подземелья (ада)*. «*Лестница Иакова*» *ведет вверх*, ее ступени от земли к небу – важнейший символ человеческого существования, соединяющий его земной смысл с небесным. Данте в «Божественной комедии» размещает *круги ада* на разных пространственных уровнях, потому что движение к Сатане – это *спуск души вниз* и ее отдаление от Бога и спасения.

Мир земли и людей в иерархии занимает особое место: это – *арена борьбы* за бессмертную душу небесных и адских сил. Ангелы посещают достойных, а повелители «нижнего пространства» проникают на землю и воздействуют на людей, уводя их с пути спасения (вверх) и направляя на путь грехопадения (вниз). Темные силы (Сатана, или Дьявол) не играли большой

роли в представлениях раннего средневековья, но совершенно «разбушевались» к его концу. В системе феодальных понятий князь тьмы стал *символом предателя, неверного вассала* (пошедшего против Бога), а, следовательно, началом всякого зла. Черный цвет Дьявола (и его воинства) стал символом всего губительного (черный – отсутствие света). Черное воинство обладает волшебством – и люди должны быть начеку, ведь их подстерегают опасности пострашнее врагов и грабителей: от них не спасут замки и мечи. Защита божественного мира (вера и молитва) дополнялась магическими средствами, оборонявшими от враждебных темных сил. В центре такой *оборонительной магии* – хорошо знакомый нам **крест**, но здесь он стал знаком Христа, его крестных мук, отчего и наделен чудодейственной способностью отгонять нечисть. Этот символ христианства присутствует повсеместно: на церквях, на церковных иерархах – наперсный крест, в церковных действиях – его выносили во время литургии, нательный крест крещёных, подпись «крестом» у неграмотных. Крестились и осеяли пищу крестом, крест ставили в начале деловых документов и т.д. и т.п. Если говорить в современных терминах, это был совершенно невообразимый по масштабам «фирменный стиль» христианства, имевший, к тому же, ряд вариантов и бесконечное разнообразие модификаций.

Магическую силу приписывали и **мощам святых**, но бытовала и совсем не христианская убежденность в магическом действии всевозможных *талисманов*.

* * *

Романская храмовая архитектура несет в себе не только символический образ мироздания. Она содержит все ранее существовавшие ментальные символы все в той же последовательности: круг, квадрат, крест. Отсюда – **круглые** (ротонды) и **крестообразные** в плане церкви (прообразом их стали античные базилики). Позже церковь, выстраиваемая по главной оси,

аллегорически рассматривалась и как *корабль, спасающий души* (длинный «корабль» – неф). Ритм колонн вел к алтарю, и этот простой прием ритма выстраивался символически *с запада на восток* – к Иерусалиму, на гроб Господень. Пространство раннехристианского храма, как и его предшественницы раннехристианской базилики, организовано **по горизонтали** – ее основная ось пролегает **от западного портала (главного входа)** к алтарной апсиде, где помещен жертвенник и где священник совершает главнейшую часть богослужения. Этот горизонтальный «корабль» пересечен под прямым углом поперечным нефом – *трансептом*, в результате чего образуется **крест** в плане. Неравные по значению оси «восток – запад» и «север – юг» нашли здесь свое конкретное пространственное воплощение.

Возле церкви – колокольня; постепенно она интегрируется в общее архитектурное пространство. Епископские церкви – **соборы** – имели особые функции: сначала только в них размещались баптистерии, потом появились купели в самих церквях. Монастыри же по устройству представляли собой сложную смесь замка и храма с элементами небольшого города.

Законченный стиль романской культуры, с его суровостью, нерасчлененностью объема, толстыми стенами и безудержным декором, проявился, например, в аббатстве Клюни – здесь такая **толща стен**, что понадобились контрфорсы.

Отношение внешнего и внутреннего в этом искусстве (как и в Византии) обратны античности: все ранние церкви снаружи скромны – внутри богаты. Здесь присутствует первобытный (*неолитический*) **декоративизм** как *форма* и христианство как *новое содержание* (отсюда же и культ животных, но не тотемный, а орнаментальный). Это – момент доминирования ДПИ – мозаики. В ранних церквях преобладает рельеф, но роль его не самая значительная. **Разномасштабность фигур** – почти египетская, и это очень характерно для раннего этапа. От раннехристианской базилики романский храм унаследовал и

элементы декора, прежде всего – мозаику (в Италии) и настенную живопись (в Германии и Франции). Такая архитектура стала основой синтеза всех искусств того времени. Ранний синтез следует признать **плоским** (роспись, мозаика, рельеф). Плоским был и египетский синтез искусств. Все искусство средневековья сформировано в сфере религиозного мышления, отчего и церковное, и светское долго имеют один стиль. Задача: акцентировать духовную жизнь, воплотить божественное, – отсюда идет обесценивание реальных форм, конкретного (глубины и объемов). Но продлилось это лишь одну (первую) треть формации.

Уже в IX-м веке монументальная живопись достигла достаточно высокого развития и сильно изменилась. Новое в ее росписях – **экспрессивность, напряжение**. Особенно расцветают монументальная живопись и книжная миниатюра (последняя оказала сильнейшее влияние на живопись, они вообще одинаковы по набору изобразительных средств: линия, плоское локальное цветопятно, нет перспективы и объема, намеренное искажение пропорций). Фрески идут сплошь, ковром. При всем том главенствуют живость и яркость **рассказа**. Художники постепенно открывают (возможно, в искусстве римлян) **тон и светотень** (имитацию объема) и берут на вооружение даже **архитектурный мотив** в заднике росписи (социальное выше природного, наоборот будет только в Возрождении).

Начало второго тысячелетия положило конец 150-летнему периоду войн и разрух. Паломничество и крестовые походы XI-XII веков несколько расширили тесный мирок средневекового двора. Впервые проявилось влияние арабов. В эти два века расцветают монументальное искусство, живопись и скульптура. XII век – **золотой век романского искусства**, в основном это – Франция. В этом веке аббат Сугерий членит пространство Сен-Дени в точном соответствии с картиной мира Псевдо-Дионисия Ареопагита, данной им в сочинении «О небесной иерархии» еще V-го века.

В середине средневековья как ментальной формации (с XII-го века), как и в середине формации рабовладения – в Греции, уже полностью доминируют **объемные** каменные фигуры: в декор храма вошла скульптура. Она украшает как интерьер, так и порталы церкви (особенно западный, буквально наполненный скульптурными изображениями), а *скульптурное распятие* стало смысловым центром внутреннего пространства храма. **Объем – это объект-субъектное проявление.**

Скульптура складывалась под несомненным влиянием миниатюры (скрещение архитектуры и миниатюры породило человеческое по масштабу). Поначалу совершенно не была разработана техника обработки камня, зато эти *фигуры* наполнялись экспрессией, движением. Поражают их явная мужицкая мощь, их контрастирующая материальность – при подчеркивании плоскости стены. Святые и евангелисты данного периода явно знакомы с тяжким крестьянским трудом, у них плебейские морщинистые лица, а все эмоции и движения безмерно простодушны и прямолинейны. При этом они абсолютно бесплотны, как того требует христианский канон.

Росписи покрывают интерьеры сплошь, скульптура – и снаружи, и внутри. Популярнее стали *ереси* (попытки трактовки канонического учения, возникающие в этом раздробленном мире), и церковь начала *устрашать искусством*. Появился обязательный набор: «Страшный суд», страдания Христа, апокалипсис, жития мучеников, назидательные притчи, – и борьба за душу между ангелами и сатаной стала любимым мотивом. Но *двоеверие* все так же сохраняется на всем протяжении средневековья: василиски, аспиды и прочая нечисть соседствуют рядом с библейскими персонажами – поразительная мешанина из чудовищ, орнаментов и фигур! Символизм, аскетизм, условность, бестелесность, утрированность, разномасштабность библейских фигур + сказочность и декоративность первобытного прошлого – все это рядом и поражает, пока не поймешь, что творили произведения обычные ремесленники,

совершенно не обученные и не искушенные в церковных догмах (не то, что в Византии, где искусство жестко контролировалось сверху, не хуже чем в СССР). Архитектура и искусство в храме и на храме несли основную просветительскую функцию – быть Библией для неграмотных. Для грамотных была литература (а грамотными были сначала только монахи). Миниатюра – искусство в книге – располагается как бы посередине и предназначена для полуграмотных (разумеется, для светского богатого мира). Строй образов подобного искусства в целом сводится к формуле: *повествование* (иерархический способ считывания) + *многослойная символика*. За первобытной и прочей пестротой всегда просматриваются законы иерархии: Град небесный – небесная иерархия, Град земной – земная иерархия, причем здесь мы имеем подобие, но не изоморфизм.

Интересно отметить, что русская храмовая архитектура (наследница византийской в позднее романское и готическое время) умело сочетает крест, круг и квадрат и долгое время использует только их. Она начинается не с доминирования горизонтали, как базилики, а с *доминанты вертикали*, как это имело место в готике.